

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

***СОТВОРЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРНОГО
МИРА***

***ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВИТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
ЗАКРУТКИНА***

Ростов-на-Дону

2007

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**ФОТОГРАФИИ:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЁРСТКА:
Е. И. СОКОЛОВА**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
И. К. ЕРМОЛЕНКО**

**В КНИГЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ
МАТЕРИАЛЫ
ТЕЛЕРАДИОКОМПАНИИ «ДОН-ТР»
(Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ)**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В
ОБЛАСТНОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ
БИБЛИОТЕКЕ ДЛЯ СЛЕПЫХ**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

**Все эти книги
продуты
сквозняками времени,
прожжены солнцем,
охлаонуты
снежными вьюгами
революции,
простреляны
пулемётными очередями
Великой Отечественной войны,
овеяны
и скорбью,
и добротой,
и человечностью.**

Юрий Бондарев

СОДЕРЖАНИЕ:

Пять утра.....	5
В честь кочетов.....	8
Писатель в гимнастёрке.....	18
Особый донской стиль.....	33

Как и тысячи других,
я до конца жизни остаюсь солдатом.

Виталий Закруткин

ПЯТЬ УТРА

«В рань раннюю, когда совы возвращаются в свои гнездовья, когда Стожары, догорая на закате, обсыпают пеплом обугленную вершину старого явора, когда в большом доме, прикрытом от бурь могучими ясенями и клёнами, малиновым звоном часы пробьют пять утра, – в эту предрассветную рань по коридору заскрипят половицы и в сумеречь просторного кабинета входит седой, сухощавый хозяин, в защитной солдатской форме, в унтах и меховой безрукавке.

Здесь он садится в кресло за огромный, морёного дуба, стол, заваленный пакетами депутатской корреспонденции, рукописями начинающих и уже зрелых писателей, толстыми журналами, кипой «Огоньков».

Вот он берёт сигарету; пламя зажигалки озаряет его энергичное обветренное лицо... Я смотрю на него и думаю: «Как же время выбелило, иссекло его густую копну волос и подстриженные усы, как же ветры-морозы выдубили его лицо, тронув морщинами высокий лоб и щёки...»

Сигарета его гаснет, и вновь вспыхивает пламя зажигалки, освещая его натруженные руки. Крепкие руки, повседневно знающие не только писательское перо, но и топор и пилу, садовничьи ножницы и лопату, железные грабли и лом...

Руки, сильные, узловатые, не ведающие устали. Руки гибкие и лёгкие, когда они ложатся на клавиши рояля.

Но скажу вам, друзья, как время ни трепало его седые кудри, как беды ни трясли его на ухабах эпохи, он ещё очень крепок и молод душой. Это мне сказали его глаза. Глубоко посаженные, под густыми бровями, его зоркие, серые глаза... Цепкие, пронзительные, всё схватывающие на лету. Порой строгие и грустные (я видел их и скорбными, и гневными, беспощадными!), его глаза меня покоряли всегда своей мягкостью, доверительностью, своим обаянием, призывом к откровению...

Такими я их увидел впервые сорок два года назад, когда он читал мне свои стихи и страницы прозы. Таким же светом добра и гуманности они светились и в этот предрассветный час, когда он зажёл настольную лампу с зелёным абажуром и, дымя сигаретой, склонился над недописанной страницей новой повести «На золотых песках...»

В его кабинете, как войдёшь, посередине красуется овальный столик дивной работы, а на нём – искусно вырезанный из самшита рыбак с ношей на плечах. Слева, в углу, в рост человека, – огромный дуплистый пень карагача. Справа на стене – портреты отца и матери и белый, рельефный, будто из мрамора, оттиск облика Сергея Есенина.

Все четыре стены – в ярусах книжных полок...

И ещё много-много всякой всячины в этом чудесном кабинете, поражающем нас своей поэзией и невысказанностью... Вот обрывок ветхой рыбацкой сети, стёртая подкова на пороге, старое изящное ружьё...

А на полках – тысячи книг, среди которых много редких и редчайших... На заветной полке стоят кни-

ги, созданные мыслью, сердцем и руками этого труженика-писателя. Его первый роман «Академик Плющов», разоблачающий фашистское мракобесие, калмыцкий эпос «Джангар» с его исследовательским предисловием, литературоведческий томик «Пушкин и Лермонтов», книга «У моря Азовского» – о красном десанте в 1918 году за Таганрог, в тылы кайзеровской грабармии. Знаменитые «Кавказские записки»...

Торопливые шаги и стук в дверь прерывают работу писателя – и на пороге появляется встревоженный совхозный бригадир:

- Беда, Виталий Александрович! Полая вода уже вошла в коровник... А вы ж знаете – директор в Ростове...

- Будем поднимать народ, - твёрдо отвечает Закруткин. И быстро сменив тёплые унты на резиновые сапоги, покидает уютный писательский кабинет...»

Вот такими словами начинает рассказ о своём друге донской краевед Константин Прийма.

Именно с этих тёплых проникновенных слов начнём свой рассказ о жизни и творчестве Виталия Александровича Закруткина и мы.

Донцы называют его своим земляком, хотя он родился не на Дону, а в Крыму. Но полвека жил на Донской земле. Десять лет – в Ростове и почти сорок – в станице Кочетовской. Дон стал для писателя второй родиной.

Чем же заинтересовала крымчанина небольшая донская станичка?

Не голосистое ли её название?

В ЧЕСТЬ КОЧЕТОВ

Всего к Семикаракорскому юрту приписывалось десять хуторов.

К концу XIX века в станице Кочетовской имелись церковь, училище, магазин, 12 лавок, 17 каменных домов, 1132 деревянных дома, 13 питейных заведений, 10 кузниц, 45 мельниц.

Состав жителей – самый разнообразный: тут и дворяне, и мещане, и крестьяне; но главенствуют, естественно, казаки.

Основное занятие населения – сельское хозяйство, *«которое делится на три предмета»*: скотоводство – *«разводят лошадей, рогатый скот, овец, верблюдов очень хороших, коих характеризуют качества: зоркий глаз, резвый бег на большие расстояния и долгое терпение без корму; хлебопашество: сеют рожь, озимую пшеницу. Применяют соху, плуг, борону, грабли, серп, косу и молотильный цеп; садоводство и виноградарство: разводят виноград»*.

А вот как описал жизнь станицы сам Закруткин в очерке «Кочетовцы».

«В Кочетовский станичный юрт – так называлась сельская казачья община – входили ближние хутора: Бугровский, Плешаковский, Крымский, Крестовский, Чебачий, Молчановский. Правил Кочетовским юртом станичный атаман, возглавлявший правление, в которое чаще всего избирались самые именитые и зажиточные «господа старики».

Просторный каменный двор станичного правления, с высоким крыльцом и обложенным кирпичом подва-

лом, стоял на площади рядом с большой, добротной выстроенной церковью.

В одном из закутков правленческого подвала располагалась холодная (или кутузка), куда сажали провинившихся. Нередко – по приказу атамана или решению «господ стариков» – отбывавшего наказание выводили из холодной на церковный майдан, привязывали к деревянной скамье и, спустив несчастному штаны, воспитывали с помощью нагаек и шомполов.

Жили кочетовцы по-разному.

У одних были обширные подворья; кирпичные, крытые оцинкованным железом дома, по-казачьи – курени, с красивыми резными крыльцами; конюшни; со всех сторон огороженные скотные дворы – ба́зы; отлично выхоженные кони, здоровенные быки и коровы; сады и виноградники; гуси и куры; косилки, сеялки, трёхлемешные плуги.

Другие ютились в кособоких хатёнках под камышовыми крышами, а на ба́зу у покосившегося плетня только ветер носил пожухлые листья.

Больше всего в станице бедствовали иногородние, искавшие на Дону лучшей доли: воронежские, тамбовские, рязанские, курские мужики. Вольный донской казак – мужика – бывшего крепостного – испокон веку не жаловал.

Но немало бедняков было и среди коренных станичников, особенно многосемейных. Судьба посылала им одну за другой дочерей. Но по закону только сыновья имели право на получение пая – казачьего земельного надела.

Но, собственно, так бывало во всякие времена – разделение на бедных и богатых...

Донская станичка Кочетовская в этом отношении была не хуже и не лучше других городов и весей необъятной Российской империи.

На правом берегу у кочетовцев удобной земли было совсем чуть-чуть: почти вся она заливалась весенними паводками. Большие участки были засолонцованы и после спада воды белели, высыхали, как камень, покрываясь трещинами.

Поэтому на правобережье кочетовцы почти не сеяли ни пшеницы, ни ячменя, ни ржи. Пробавлялись лишь тем, что на отдельных клочках возделывали поздние культуры после того, как уходила с поймы донская вода: где – просо, где – бахчи, где – огороды.

Земельные наделы, отведённые под хлеб, располагались на левом берегу, в степном Задонье.

И с первым лучиком весеннего солнышка станичники усаживались на баркасы; коней и быков переправляли через Дон вплавь и – откочёвывали к своим задонским землям целыми семьями.

Зато многие из станичников имели на неприметных высотках свои фруктовые сады и виноградники. Просто иные не хотели возиться с землёй, сдавали земельные наделы в аренду иногородним, а сами занимались виноградарством. А молодое вино продавали или меняли на пшеницу.

Редкий из кочетовских казаков не ловил в ту пору рыбу (благо, до возведения Цимлянского водохранилища в Дону её было не меряно). Ловили и ватагами, и парами, и в одиночку. Ловили «по закону», арендуя отдельные тони и участки, а бывало, занимались и браконьерством – «крутиством», отстреливаясь тёмными ночами от вооружённых казаков рыболов-

ной охраны, или подкупая вином податливую на выпивку стражу – «пихру».

Исследователи донского края отмечают, что в 1744 году в станице Кочетовской уже была деревянная церковь. Но в начале XIX века сгорела, и в 1818 году заложили новую – каменную. Её строительство было посвящено победе над Наполеоном. Строили долго – полвека. Только в 1872 году новая церковь была освящена в честь Успения Божией Матери и Приснодевы Марии. И ещё освятили два придела: святых апостолов Петра и Павла и святителя Николая Чудотворца.

В годы Советской власти храм был закрыт, хотя надо заметить, что именно стараниями писателя Закруткина вопрос о реставрации поднимался ещё в 70-х прошлого века.

Но полное возрождение церкви началось в лишь середине 90-х. Силами прихожан были выполнены внутренние отделочные работы; возведён иконостас; восстановлены почти из ничего алтарь, кровля, кресты; приведена в порядок территория.

Стоит он сегодня – обычный православный храм, но есть в нём нечто сугубо своё, донское, станичное. Впрочем, по-другому и быть не должно. Каждый дом должен иметь собственное отличие.

Виталий Александрович как мог, боролся за сохранение этого небольшого прихода, который, в общем-то, только благодаря его стараниям, и сохранился.

Так что Закруткин – он не просто автор романов, повестей, рассказов, ставший, по воле судьбы, земляком кочетовцам.

Закруткин очень многое сделал для станицы, где с его помощью депутата появились и асфальтированные дороги, и средняя школа, и великолепный Дворец культуры, и пристань для теплоходов, и даже долгожданная пекарня, о которой мечтали местные виноградари.

А сколько сил отдал он именно возрождению былого виноградарства на Дону!

И каким богатым был виноградный союз при его жизни! Когда бы не пресловутый «безалкогольный Указ» незабвенного Первого Президента СССР – куда житочнее были бы теперь кочетовцы ...

Уроженец Сальска журналист Анатолий Иващенко рассказывал о своих встречах с любимыми писателями Виталием Закруткиным, Александром Бахаревым и Анатолием Калининым. После душевных бесед о братьях-литераторах, о произведениях своих и чужих, о литературе вообще и донской, в частности, устраивались дегустации... Тем более, что жили-то Калинин и Закруткин в станицах, имели виноградники и внушительные подвалы.

«У Закруткина, правда, - лукаво улыбается Иващенко, - редко хватало до нового урожая...»

Истоки российского виноделия берут начало не с гор Кавказа и не из Крыма.

Согласно преданию, Пётр I ткнул палкой в Донскую землю и, рассмотрев её, заключил, что на Рейне под виноградниками такой же грунт. И потому велел разбить здесь плантации и пообещал следом прислать черенки. Атаман Матвей Иванович Платов выписал из Франции «бочаров и мастеров купора». Они-то и начали *«давить тут сок на вино»*.

Первые посадки указано было заложить у станиц Цимлянской и Раздорской. Не отставала и Кочетовская.

Доподлинная история здешнего виноградарства и виноделия до сих пор не изучена, а предания сбивчивы. Можно однако же допустить, что то и другое существовало здесь в глубокой древности и унаследовано казаками от прежних обитателей. Греческие колонии были на Дону ещё до нашей эры. Почему бы им не завести здесь виноградные сады? Во всяком случае, амфоры Танаиса хранят на донышках следы винного камня...

Известно, что во время владычества хазар виноградарство было развито в значительной мере, а перешедшие от хазар к половцам города на Дону продолжали существовать до нашествия татар. А по свидетельству арабского путешественника Ибн-Батуты, даже в татарском Сарае разводили лозу.

Так или иначе, но на протяжении почти десяти вёрст в живописной здешней местности по отлогам холмов тянулись виноградные сады, составлявшие главный промысел жителей.

Настоящее «цимлянское» делают из винограда, носящего название «чёрный цимлянский» или «рейнский». Вино разливали по бутылкам и, залив горлышки смолой, хранили в погребе, зарытыми в песок. Вина эти отличались густой окраской, превосходным букетом и сладостью.

Из века в век у станичников бытовала традиция: перед дальним походом в укромном месте закапывать вино в «закубренных» смолой бутылках, чтобы оставшиеся в живых распили его на тризне в честь павших.

Самыми обширными винодельческими зонами России стали Крым и земли Причерноморья. Но не отставал и Дон!

Справедливости ради заметим, что крымские вина не отличались качеством. Это был скорее исходный виноматериал, поскольку не хватало просторных подвалов.

То ли дело в Цимле!

А подлинными шедеврами среди цимлянских вин считались так называемые «*выморозки*».

Не пробовали? Что ж, значит, вы не знаете, какого незабываемого блаженства лишили себя. И, кажется, навсегда.

А ведь без этого, утверждают казаки, нету Дона!

А делалось так.

Ягоды на отобранных лозах снимали последними, когда они хорошо просохнут, сморщатся и только после этого давили. Зимой молодое вино в бочонках из самого мягкого дерева выкатывали на мороз, чтобы холод вытянул лишнюю воду – пока весь бочонок покроется розоватой ледяной коркой. Её скалывали, и на следующую ночь всё повторяли снова, раза три-четыре.

Но не для крепости, не для того, чтобы набрать хмельные градусы лишнюю воду изымали. А для того, чтобы в «*выморозках*» осталась сама благодать...

Закончились процессы виноделия на Дону в Гражданскую, восстановились в середине прошлого века при коммунистах.

Загублены в конце прошлого века при демократах.

Что ещё необычного в районе станицы Кочетовской? Можно пройти через старый шлюз.

Река перегорожена здесь низкой плотиной, состоящей из щитов. Их снимают на время ледохода и паводка.

Как написано в официальных документах, *«Кочетовский гидроузел, построенный почти 90 лет назад, в 1919 году, расположен в 178 километрах от устья реки Дон и является составной частью Единой глубоководной системы (ЕГС) европейской части нашей страны. Он является замыкающим в каскаде гидроузлов Нижнего Дона».*

Как выглядит станица Кочетовская сейчас?

Раннее утро.

Станица ещё спит, и в стёклах бывшего казачьего правления – здание сохранилось – отражаются неподвижные тени облаков.

Неподалёку – та самая восстановленная церковь.

Рядом с правлением – дом атамана, первый этаж занял магазин.

...К высветленному первыми холодами небу призывным стягом поднимается ор петухов. По одной из версий, своё название станичка получила по милости голосистых кочетов.

Симпатичная, в общем-то, версия.

А вот и Дом-музей писателя.

...Может быть, чтобы понять душу внуков шолоховского казака Мелихова, надо пожить здесь хотя бы несколько лет? И последовать примеру шолоховского ученика Закруткина? Полвека назад построил он здесь дом с окнами на правый берег Дона...

Экскурсовод подводит к надгробиям Виталия Александровича и его жены Натальи Васильевны и начинает рассказ.

У Виталия Александровича всегда был полон двор собак. Соседских, которые приходили подкормиться, и выброшенных на улицу злыми людьми. Такие немедленно ставились на штатное довольствие. Любопытная деталь: несмотря на разношёрстность, свора безошибочно, с первого взгляда, определяла друзей хозяина. И относилась к ним с подобающим почтением.

Как-то кочетовские охотники чуть ли не поголовно принялись украшать свои курени чучелами птиц. Виталий Александрович затею не приветствовал, но, когда станичникам наскучила забава, нашёл местечко в своём кабинете для выброшенных орланов, уток и сов, а потом отдал их школе.

В самом доме находится множество интереснейших вещей, которые можно рассматривать часами. Например, германская печатная машинка, привезённая писателем с фронта. Закруткин отнёс её в типографию для замены шрифта с немецкого на русский – и эта вещь обрела вторую молодость.

Гильзы старых военных снарядов он использовал при строительстве печи, так как они быстро нагревались и долго удерживали тепло. И всегда говорил: *«Всё можно использовать в мирных целях»*.

На письменном столе – изящный чернильный набор – подарок сына. Зелёное сукно, которым обит стол, кажется, излучает тепло... Не зря писатель так любил за ним работать.

В соседней комнате на стене – очень необычные картины. Это работы сына Закруткина. Они собраны из крыльев бабочек.

В спальне писателя висят охотничьи ружья и сабли – дары от друзей-казаков. Шкаф украшают великолепные хрустальные вазы – память о визите старшего друга. Михаила Александровича Шолохова.

Во дворе – небольшая беседка, в ней Закруткин с Шолоховым могли беседовать часами! Рядом приветливо склоняет ветви стройная берёзка – подарок гостей из Белоруссии.

Весь двор – под сенью вековых величавых елей. Под ногами – хвойный ковёр. В нём утопает принесённый с водораздела якорь – знак того, что Виталий Александрович навсегда остался в станице Кочетовской.

«Сейчас многие библиотеки просят его книги, ведь в книгах Виталия Александровича много того, что мы сейчас воплощаем в жизнь. Он в «Плавучей станице» ещё в 50-х годах предрёк нам создание рыбо-разводных заводов. А сегодня их у нас в районе уже три...

Много писем приходит отовсюду. Практически вся Россия хочет приехать, чтобы отдать дань памяти этому великому человеку», - подчёркивает в преддверии будущего 100-летнего юбилея знаменитого земляка глава администрации Семикаракорского района Виктор Талалаев.

А в 2003 году, к 95-летию писателя в районной Детской организации имени Виталия Закруткина провозглашался главный девиз тех дней – «95 добрых дел». Будем надеяться, что «95» перетекут в «100», а в дальнейшем – и в «Только добрые дела».

ПИСАТЕЛЬ В ГИМНАСТЁРКЕ

Люди редко знакомы с жизнью современных писателей. Между тем, как справедливо заметил Михаил Алексеев, факты биографии могут подсказать глубинную суть произведения, особенно в тех случаях, когда всё описанное пережито, выстрадано автором.

Жизнь Закруткина – как раз тот пример, когда она, жизнь, гармонично сливается с творчеством.

Виталий Александрович Закруткин и сегодня бы выделялся среди самой что ни есть великосветской тусовки, будь он в строгом цивильном костюме или офицерской форме без погон, без которой его и представить уже невозможно. Он как бы врос, сроднился с ней.

Интеллигент до мозга костей из потомственной учительской семьи читал лекции студентам в Ростовском университете.

Всё говорило: это *ПИСАТЕЛЬ!*

А серьёзно писать начал в конце сороковых прошлого века.

Первая повесть – «Академик Плющов». Основная мысль – интеллигенция и революция. *«Она (повесть) была издана в Ростове, - вспоминает автор, - и тотчас вызвала ожесточённые споры. Одни расхваливали повесть, другие ругали... Однако это был серьёзный экзамен, и, как показало время, я его выдержал».*

Что вообще говорят о нём собратья по перу?

...На отчётно-выборные писательские собрания Виталий Александрович всегда приезжал в шинели,

полковничьей папахе набекрень и солдатским ранцем за спиной...

...Когда начинались разборки и сведение счётов (и у поэтов есть такой обычай!), достаточно Закруткину было произнести несколько фраз – всё становилось на свои места. Оратор он был превосходный. Говорил чётко, логично, как будто забивал гвозди в берёзовые доски!

...В застолье по праву красовался во главе стола и, раскатисто, красивым голосом пел старинные казачьи песни.

...«В те времена только Виталий Закруткин, как беспартийный, мог отважиться на такой смелый поступок – читать запрещённого Гумилёва. До сих пор, как далёкое эхо, слышу его голос. За гражданскую смелость и след в литературе – честь и хвала Закруткину», - вспоминает один из друзей.

Виталий Александрович Закруткин родился 27 марта 1908 года в Феодосии. Отец – статский советник – был инспектором народных училищ Таврической губернии. Мать – учительница.

Первый класс Виталик окончил, живя у деда. Учился в Таманском казачьем училище, затем в высшем начальном училище Таврии.

К революции семья Закруткиных отнеслась лояльно, но Гражданскую войну не приняла.

После Октября Советская власть наделила это большое семейство – 6 человек, обитавшее к тому времени в деревне Екатериновке – девятью десятинами земли.

Об этом отрезке своей биографии Виталий Александрович особенно никогда не рассказывал, но, скорее всего, девять десятин – это всё, что осталось

у статского советника после взятия власти большевиками.

Спасибо, что не расстреляли.

И десятины эти, конечно же, позарастили бы бурьяном, если бы не щедрость комбрига Григория Котовского, проходившего с отрядом через Екатеринбург. Двумя выбракованными конями и старой бричкой он осчастливил эту бедную семью, и отец будущего писателя – Александр Михайлович – математик, научился быть трудолюбивым пахарем-садоводом.

Хотя казаки испокон веков занимались совсем другим.

Казачье семя – воля да стремя...

У отца учился Виталик пахать и бороновать землю, прививать на подвой тёрна сливы, на вишню-сайгу – черешню...

А вскоре – как старший сын – и сам встал за плуг.

Он знал всё разноцветье садов, степи и озёр – от первого подснежника до последней предзимней сухой колючки. Ему были ведомы пение степных и лесных птиц, повадки шустрого зайца, коварство хитрющих лисиц и оскал клыков голодного волка – как-то пришлось встретиться один на один с вилами в руках!

Трудясь в саду и в поле – под дождями и при палящем солнце – в этом, в поте лица, познании природы живого на земле – он всё примечал. Пригодится.

На всю жизнь.

На всю свою будущую литературную жизнь.

В 1929 году семья переехала на Дальний Восток.

Дремучая тайга, ветры-метели, жестокие морозы на станции Завитая, естественно, добавили основательную закалку характеру Виталия Александровича, к

тому времени, уже – школьного учителя, режиссёра и драматурга коллектива художественной самодеятельности. А коллектив этот знали по всей Уссурийской железной дороге!

Отца будущего писателя к тому времени перевели в Новгород, завучем средней школы.

В архиве Новгородского учительского института в деле Виталия Закруткина сохранилось письмо, датированное 1 июня 1933 года.

«Директору Новгородского учительского института им. Покровского.

Если в институте с осени 1933-1934 учебного года будет иметься вакантное место ассистента при кафедре литературы, прошу известить меня, не сможет ли Дирекция принять меня на работу. Часть моей семьи живёт в Новгороде. В настоящий момент работаю преподавателем литературы рабфака Тихоокеанского института Дальне-Восточного края и курсов по подготовке в ВУЗ».

Новгородский учительский институт предложил должность совместителя.

15 июля 1933 года семья переехала в Новгород.

Для жилья институт предоставил одну из келий бывшего Антониева монастыря.

Несмотря на такие, мягко скажем, своеобразные условия проживания, Закруткин за три года экстерном сдал экзамены в Благовещенском пединституте и в это же время сдал экзамены в аспирантуру при Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена.

Было трудно, но аспирант умудрился успешно сочетать преподавание и учёбу.

И ещё общественную работу – в Новгородском институте он был заведующим культурно-массовым сектором местного комитета.

А в 1936 году Виталий Александрович блестяще защищает кандидатскую диссертацию о романтических поэмах А. С. Пушкина и получает назначение на должность заведующего кафедрой русской литературы Ростовского педагогического института.

Ростовскому пединституту повезло.

Новый зав. кафедрой оказался учёным колоссальной энергии, огромнейшей эрудиции, глубоко знавшим и любившим нашу литературу от «Слова о полку Игореве» до Михаила Шолохова.

Студенты, коим посчастливилось учиться у доцента Закруткина, всегда рассказывали, что он обладал богатейшей памятью, цитировал наизусть, наверное, всю поэзию Пушкина, Лермонтова и Есенина, стихи пушкинской плеяды, десятки страниц из произведений Гоголя. И не обкладывал свою кафедру книжными фолиантами, не клонил взор в заготовленные нудные конспекты. Нет! В его руках был крохотный, в размер визитной карточки, листочек, вдохновлявший его на двухчасовую лекцию...

Давайте ещё раз послушаем Константина Прийму.

«Начинал ли он своё слово с чтения наизусть стихов или отрывков прозы, рассказывал ли эпизоды из жизни наших классиков или истории создания творений, Виталий Александрович всё это подавал нам удивительно впечатляюще и артистично. Будто великий маг, он вводил их – Пушкина и Лермонтова – в нашу аудиторию, и мы как бы воочию слышали их голоса, гнев, страдания.»

Без преувеличения берусь сказать, что появление В. А. Закруткина в Ростове было событием не только для студентов, но и для всей интеллигенции города.

К столетию со дня гибели Пушкина у нас, на литфаке, и в актовом зале пединститута, он организовал грандиозную выставку, для которой привёз из Москвы и Ленинграда великое множество документов, гравюр, портретов, фотокопий автографов рукописей великого поэта. На страницы газеты «Молот» Закруткин высыпал, как из рога изобилия, десятки своих блистательных статей о жизни и творчестве Пушкина и всей плеяды его талантливых современников.

Во Дворцах культуры, в Доме Красной Армии, в воинских частях он потрясал слушателей своими публичными лекциями...

Не только мы, студенты, но и маститые учёные – его учителя, как мне позже пришлось не раз слышать в Ленинграде, профессора В. А. Десницкий, Н. П. Андреев, С. А. Андрианов и другие светила пединститута имени А. Герцена и Пушкинского дома – прочили Закруткину большое будущее на академическом поприще...».

Прийма отмечает, что даже такие строгие служители искусства, как народные артисты Юрий Завадский (тогда – художественный руководитель театра имени М. Горького), Николай Мордвинов и Вера Марецкая, репетируя постановку пушкинских «Сцен из рыцарских времён», да и во многих других случаях, обращались к Виталию Александровичу за советом и помощью.

Тогда же был выпущен его сборник исследовательских статей «Пушкин и Лермонтов».

Но в год 100-летия Пушкина проходили не только выставки.

Предоставим трибуну писателю Игорю Бондаренко. *«Я не буду говорить ни слова о его произведениях, о них много написано, много сказано критиками, в монографиях литературоведами, скажу только, что его арест в 1937 году и был связан с литературой. В его повести нашли «задатки» нацизма на том основании, что в повести рассматривались разные человеческие черепа...»*

Он попал в число тех счастливцев, которых «волна либерализма», которая хлынула после ареста Ежова, «вытолкнула» из подвалов НКВД на Энгельса, 33, на «свежий воздух». Все, кто уже был в лагерях, там и остались, а вот «сидельцы» в подвалах - вышли. Среди них был не только Закруткин, но и Владимир Фоменко.

О Закруткине у меня остались хорошие воспоминания. Он, конечно, не был «борцом», тем более диссидентом, он всегда был лоялен к власти, но не скупился на доброе слово и уж, конечно, был большим «хлебосолом». Ничто не проходит бесследно и, думаю, что «осторожность» Закруткина во многом объяснялось тем, что он уже «там» побывал. Кстати, Закруткин не был членом партии. Когда-то он сделал попытку, попросил рекомендацию у Соколова, но тот ему отказал, как человеку с не совсем крепкими «моральными устоями». Беспартийность совсем не мешала Закруткину жить широко и привольно. Он был секретарём Союза писателей России, депутатом областного совета и прочее, и прочее...

...Позже он из Ростова уедет в станицу Кочетовскую (где «приголубит» замечательную станичную девуш-

ку Наташу, которая вскоре станет его второй женой) и наденет «гимнастёрку»...

Много он сделал и для своих новых земляков-кочетовцев.

Его там любили и помнят до сих пор. Дом его деревянный у самой пристани с большим виноградником был «полной чашей» и видывал столько гостей, что, наверное, на Дону нет ему равных. Даже дом Шолохова был более «закрит» в силу «величины» его владельца...»

Вообще-то, Виталий Александрович вкусил прелести жизни арестанта дважды.

Энциклопедический справочник выпуска 2000 года «Русские писатели XX века» в статье о Закруткине сообщает следующее.

«В 1927 писатель окончил единую трудовую школу на Украине и поступил в Химпромшколу в Одессе, однако в 1928 был арестован. Причиной послужила забытая в библиотеке тетрадь с критическими заметками относительно современной действительности. В предварительном заключении провёл около 2 месяцев, после чего был освобождён и вернулся в станицу Екатериновка, где в это время жили родители; работал сельским избачом...

В апреле 1938 вместе с другими сотрудниками института Закруткин по ложному доносу был арестован как «немецкий шпион». В 1939 освобождён за отсутствием состава преступления и восстановлен в должности».

Вот, оказывается, как. Забыл тетрадь – и арестован. Если донёс на него кто-то из библиотекарей – грязное пятно на всю нашу профессию.

А если кто-то из читателей, то, вполне возможно, наоборот, библиотекари пострадали за недостаток бдительности... Теперь уже не узнаешь, кто там прав, кто виноват...

Но, во всяком случае, Виталий Александрович обиды на этот очаг культуры не держал, потому что устроился на должность избача – то есть, библиотекаря в избе-читальне. Возможно, если бы не арест, и не было бы в нашем полку библиотекарей такого удачного пополнения.

Вот такие вот страницы истории, связанные с библиотекой. Они ещё ждут своего исследователя-литературоведа, а может быть, и романиста.

А ещё цензура запрещала его очерки о военных действиях на Кавказе в 1942-1943 годах. Не понравилась цитата: *«Так сказал тот, кто непосредственно воплощал Сталинский замысел в битве за Кавказ и стал душой кавказской битвы – Лаврентий Павлович Берия»*.

Наверное, душой мог быть только сам Сталин.

Уже много позже, где-то в 70-х, один из знакомых Закруткина случайно в разговоре упомянул Солженицына, и Закруткин сказал, что Солженицын пишет безграмотно. На Закруткина (не считаясь, что у него в гостях) ополчились все гости! Но хозяин, не желая обострять разговор, напомнил, что сам был в лагере.

«Это неправда, что не было сопротивления. Были герои. При мне секретарь комсомольский одного из здешних районов отточил пуговицу и перерезал себе горло».

Наверное, многие скажут, что подобный способ сопротивления – вопрос спорный, но не нам судить. Мы в 37-м не были...

Выйдя на свободу, он начал понемногу писать.

Но основной пока по-прежнему оставалась преподавательская работа – подходили сроки защиты докторской диссертации о творчестве Льва Толстого.

Но война круто изменила все планы.

И Виталий Александрович, порвав прямо в военкомате выданный ему (как научному работнику) листок брони, получил направление на фронт военным корреспондентом газеты «Красный кавалерист» – в действующую Пятьдесят шестую армию.

Правда, Игорь Бондаренко приводит другую версию.

«Виталий Александрович прошёл всю войну военным корреспондентом... В справочнике написано, что Закруткин летом 1941 года добровольно пошёл на фронт. Сам он рассказывал такую, с моей точки зрения, забавную историю. Он и ростовский драматург Илларион Стальский оказались то ли в Кисловодске, то ли в Пятигорске, одним словом, где-то на Кавминводах. Оба уже были в армии. Пришёл какой-то «высокий чин» и сказал: «Мне нужен фронтовой корреспондент, кто из вас желает отправиться на фронт?» Стальский обращается: «Товарищ! (чина я не знаю, допустим, полковник), разрешите мы с Виталием Александровичем посоветуемся?» «Посоветуйтесь, пять минут вам...» Полковник вышел, Стальский говорит Закруткину: «Виталий, у меня сильно болит большой палец... на правой ноге... Может, ты

поедешь?..» «Ладно», - согласился Закруткин. По-ехал. Прошёл всю войну. Вернулся – грудь в орде-нах. Стальский был после войны награждён медалью «За победу над Германией».

Но, как бы то ни было, длинными оказались дороги военного корреспондента. Они начались на Дону и в предгорьях Кавказа.

С окопных передовых позиций по живым впечатле-ниям от боев Закруткин дал во фронтовую и армей-скую прессу сотни зарисовок, статей, очерков, издал свои рассказы о героизме наших воинов – «На пе-реднем крае», «Человек со шрамом», «Повесть о слободе Крепкой».

Военкор Закруткин постоянно на переднем крае. Десятки раз бывал в жестоких сражениях, но звезда судьбы ему светила счастливо... Ему пришлось участ-вовать в Корсунь-Шевченковской операции, форси-ровать Вислу и, наконец, штурмовать Берлин в со-ставе Пятой ударной армии.

И в Берлине, оказавшись в труднейшей ситуации, когда фаустпатроном наповал убило комбата, майор Закруткин принял на себя командование как стар-ший по званию. И, выполняя приказ штаба фронта, за сутки пробился с Хольцмаркштрассе на Алексан-дерплац – в самый центр фашистского логова.

И остался жив.

Не знали тогда бойцы, что майор, который поднял их для решительного броска, был не строевым офи-цером, а представителем очень мирной профессии – педагогом, учёным.

Пришлось – и стал воином.

И получил за этот подвиг из рук самого маршала Георгия Жукова орден Боевого Красного Знамени.

«Я вручаю вам этот нелитературный орден, майор Закруткин, и желаю вам вести себя в литературе так же, как в батальоне».

Орден Ленина и три ордена Трудового Красного Знамени, полученные писателем Закруткиным после войны за литературно-общественную деятельность, – убедительное доказательство того, что он с честью и достоинством выполнял наказ маршала.

Да, конечно, Виталий Александрович Закруткин был сугубо мирным человеком. И, как у всех мирных людей, мысли и чувства его были устремлены к созиданию, добру, радости труда. Не его вина в том, что было время, когда пришлось отложить перо и сменить гражданский костюм на гимнастёрку

Но и потом, вернувшись к своей мирной профессии, он всю жизнь считал себя в состоянии мобилизационной готовности.

«Уходят годы, - писал он с грустью, - поседела моя голова, и я уже снят с воинского учёта. Но я остаюсь в строю. И когда придёт мой смертный час, я прошу похоронить меня в гимнастёрке, с застёгнутым воротом, подпоясанной ремнём, в полной форме. И при первом сигнале тревоги я буду разить врагов, чтобы словом своим, трудом, всем, что мною было совершено при жизни, защитить и отстоять любимую мою Отчизну и мир на земле».

По возвращении с фронта Виталий Александрович вернулся на прежнюю работу, но груз военных впечатлений заставляет обратиться к фронтовому дневнику, по материалам которого создаются талантливые «Кавказские записки» – художественно яркая и искренняя хроника-летопись, запечатлевшая гигантскую битву за Кавказ в 1942-1943 годах.

Великая Отечественная война – тяжелейшее из всех испытаний, какие когда-либо выпадали на долю нашего народа. Ответственность за судьбу Родины, горечь первых поражений, ненависть к врагу, стойкость, верность Отчизне, вера в грядущую победу – всё это под пером разных художников отлилось в неповторимые прозаические произведения.

Но его волновала не только тема войны.

Константин Прийма подчёркивает, что Закруткин – художник могучий, всегда способный на подвиг. Подтверждение этому было и в том, что он отказался от так заманчиво стлавшейся ему под ноги академической стези и вернулся к земле.

В станице Кочетовской колхоз дал ему на берегу Дона одичавший двор-пустырь. Писатель выкорчевал на нём дремучие заросли акации и тёрна, разбил сад, виноградник, выстроил дом и... И на огонёк к нему пошёл народ – хлеборобы, рыбаки и уже вымиравшие виноградари. Они шли к писателю со своими думами, скорбями и радостями.

Всею душой ратовал Виталий Александрович за сохранность окружающей среды.

«На конференциях и пленумах, даже партийных, его выступления были почти обязательны и желанны потому, что он говорить умел и говорил не «по писанному», и его «конёк» был «сохранение донской природы», - вспоминал всё тот же Бондаренко.

Писатель Закруткин всю свою жизнь очень болезненно относился к гибели деревьев. Как фруктовых из собственного сада, так и произрастающих в округе. Заметив обречённое дерево, он срезал одну ветку, придавал ей подобие тросточки и уносил домой.

Виталий Александрович всегда приглашал гостей в сад – показать свою гордость и отраду.

На первом плане у самых окон дома дружно зеленели чёткие ряды груш и яблонь. Писатель смотрел на них так, как смотрят в глаза понимающим нас существам.

«Собирался возвратиться на Дальний Восток, в свою юность, но куда я от них уеду, как их оставлю. Все саженцы привёз из Мичуринска и каждый посадил вот этими руками...»

Вот, - демонстрировал он переполненные папки, - собираю материал для новой книги. Серьёзно заинтересовался плодовыми лесами Предкавказья. Недавно ездил туда специально – сколько там груш, яблок и другого добра пропадает! Собирают крохи, заготавливают варварски... И так по всей стране. А мы кричим о продовольственной программе...

Вот последние данные: плодовые, ягодные и ореховые растения каждый год дают стране не менее одиннадцати миллионов тонн ценнейших продуктов питания – а где они? Одиннадцать миллионов тонн! А грибы! А съедобные травы!»

Он с горечью говорил о нашей всеобщей нерадивости, бесхозяйственности и равнодушии, о том, как мало мы используем в своём питании дикорастущие плоды и травы...

«Оскудел наш стол самым ценным – растительными продуктами. А ведь ещё древние греки сказали красиво и точно: «Плоды – это музыка питания...»

И, может быть, именно поэтому назвал он свою небольшую книжечку – великолепный литературный портрет Михаила Шолохова – так светло и по-добро-

му «Цвет лазоревый». Лазоревым цветком на Дону называют степной тюльпан.

В очерке-исповеди «От земли к земле» Закруткин говорит, что Лев Толстой оказал на него огромное влияние в решении вопроса о месте писателя в жизни.

А ещё он всегда признавал, что он – ученик Шолохова (хотя разница в возрасте – всего три года).

В русле шолоховских традиций, сохраняя своё своеобразие, в СССР и за рубежом поднялась большая плеяда пришедших с войны литераторов, и среди них – Виталий Закруткин.

И Михаил Шолохов, и Виталий Закруткин создали особый «донской» стиль писательской жизни.

Сотворили особый литературный мир.

Но литературный мир ученика отличался от литературного мира учителя.

Этот мир – свой собственный.

Закруткинский.

Кровью и мужеством писались «Кавказские записки»; беспокойством рачительного хозяина земли дышат страницы «Плавучей станицы»; беспредельной верностью революционным идеалам пронизана эпопея «Сотворение мира»; памятью сердца скреплены чувства, выраженные в «Подсолнухе»; жизнестойкость в полный голос воспета в «Матери человеческой».

И в каждом из этих произведений ни убавить, ни прибавить...

Он был секретарём Союза писателей РСФСР, членом правления Ростовской писательской организа-

ции, членом редколлегии газеты «Литературная Россия» и редакции журнала «Дон».

И всегда находил время и для работы с молодыми авторами.

За свой ратный и писательский подвиг Виталий Александрович Закруткин награждён пятью орденами и одиннадцатью медалями.

ОСОБЫЙ ДОНСКОЙ СТИЛЬ

Одной из необычных страниц разносторонней деятельности Закруткина стала публикация в 1940 году песен калмыцкого эпоса «Джангар».

В первый же месяц Великой Отечественной войны Закруткин написал публицистическую работу о фашизме – «Коричневая чума». Ростовское издание выпустило её в печать, и газета Северо-Кавказского военного округа «Красный кавалерист» уже в сентябре 1941 года опубликовала рецензию, в которой отмечалось: *«Яркую по своим фактам, книгу В. Закруткина следует настоятельно рекомендовать красноармейскому читателю. Она рассказывает правду о фашизме».*

Потом были «Кавказские записки».

Они принесли ему широкую известность и у нас, и за рубежом.

«Это были записки о войне, непохожие на дневниковые записки, это был какой-то особый жанр, близкий, по тогдашнему ощущению, к тону правды «Севастопольских рассказов» Льва Толстого», - так откликнулся на публикацию Юрий Бондарев.

Книга эта потрясает читателей своей глубокой правдивостью. Всё виденное, пережитое и выстраданное нашим народом-воином, народом-победителем – всё воплощено в художественном слове на века.

«Мне хочется, чтобы не знавшие войны молодые люди, читая эту книгу, почувствовали грозовой воздух, жаркое дыхание сражения, тревожную напряжённость боевых лет, простоту и величие подвигов, о которых рассказано не сейчас, не сегодня, а тогда, в суровое время...»

В 1947 году Закруткин переезжает из Ростова в станицу Кочетовскую.

Именно труженики-кочетовцы принесли в дом Закруткина идею вернуть былую славу виноградникам и побудили его сказать на всю страну знаменитое «Слово о бессловесном», пронзённое трагическими нотами – о защите всего живого, что окружает человека.

В очерках «Слово о бессловесном», «Костры детства», «Земля земледельцев» содержится взволнованный, идущий из самых глубин сердца призыв писателя, почти всю жизнь прожившего в деревне, к своим современникам: сохраните красоту окружающего мира, не забудьте интересы завтрашнего человека, который, как и мы, *«обязательно захочет любоваться полётом белых лебедей, ощущать запах леса, бродить по степи, ловить рыбу на утренней заре, слушать весеннее курлыканье журавлиных стай»*.

Нужды односельчан втянули писателя в гущу жизни и вдохновили на создание замечательного романа «Плавучая станица».

Приходилось ли вам, уважаемый читатель, слышать о том, как разбиваются насмерть тысячи осетров и севрюг у плотин гидростанций? А как в июльскую жару плачут вербы и акации, объединенные тучей гусениц?

А как наши хозяйственники легко и бездумно уничтожают «химией» в полях и садах всё живое, нарушая экологическое равновесие в природе?

Вот об этом – «Плавучая станица».

Непосредственное вторжение литературного произведения в конкретную сферу народного хозяйства стало приметой времени. Директивой министра рыбной промышленности роман был поставлен в повестку дня для всех рыбколхозов и инспекций рыбнадзора страны.

В 1951 году автору «Плавучей станицы» присуждена Государственная премия СССР.

В 1948 году опубликованы рассказ «Млечный путь» и повесть «За высоким плетнём».

Забегая вперёд, скажем, что в 61-м году по «Млечному пути» в Калмыкии будет сниматься фильм. Чудесный актёрский ансамбль – Михаил Жаров, Алла Ларионова, Николай Рыбников. Фильм вышел, но... не пошёл.

Сюжет, в общем-то жизненный и простой: Глеб и Лиза полюбили друг друга ещё студентами. Лиза не захотела уезжать из столицы и вышла замуж без любви, а Глеб уехал по распределению. Через несколько лет они встретились вновь, чтобы больше никогда не разлучаться.

Чем картина не понравилась партийным критикам – собственно, непонятно.

Но вот, наконец, канал «Культура» эту несправедливость устранил: 11 октября 2006 года состоялась демонстрация фильма.

Зато другой фильм по сценарию донского писателя Закруткина «Без вести пропавший», вышедший на экраны ранее, в 1956 году, стал одним из лидеров проката. 4 место. Его зрительская аудитория – 35 миллионов 720 тысяч зрителей.

Ещё один чудесный актёрский ансамбль – Михаил Кузнецов, Софья Гиацинтова, Наталия Ужвий,

О чём эти кадры?

1942 год. В одном из боёв раненый советский офицер, воспользовавшись документами умирающего чешского врача, служившего у фашистов, добирается до Словакии и разыскивает мать погибшего. Здесь он находит временный приют и поддержку, вступает в интернациональный партизанский отряд и вскоре становится его командиром.

Этот фильм критика приняла весьма положительно. Отмечалось, что *«Виталий Закруткин – писатель народный, оригинальный, страстный. Черты его творчества – это художественное своеобразие, правда жизни, партийность, глубокая любовь к родной земле»*.

Все эти черты прекрасно воплощены в его следующем произведении – романе-эпопее «Сотворение мира».

Уже в самом названии – явная религиозная аналогия.

Что это?

Ухмылка воинствующего атеиста? Но ведь спасал же станичную церковь!

Или нарочитая параллель вдумчивого писателя-интеллекта?

Роман открывается эпиграфом – двумя строками из «Откровения» Иоанна: *«И слышал я как бы слово многих народов, как бы шум вод яростных, как бы грохот громов!.. И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали».*

В эпиграфе – ключ к главному замыслу автора.

О чём же роман? На гигантском полотне в пространстве и времени, с 1921 по 1945 год, в столкновении событий и персонажей, писатель раскрывает нам сотворение нового мира и разгром фашизма.

Путь этот был долгим, кровавым и трудным – *«крушение мира капитализма и становление нового мира социализма как единый процесс, начавшийся Октябрьской революцией в России и затронувший все страны и народы».*

В 1956 году выходит первая книга. Вторая увидела свет в 67-м году, а в 78-м – и третья.

«Автор в раздумьях своих героев, в их беспощадных спорах и в столкновениях с реально жившими историческими лицами решает множество проблем: нравственных и социально-правовых, политических и философских, патриотических и интернациональных. Всё это придаёт «Сотворению мира»... своеобразную энциклопедичность! Вот гдегодились Виталию Закруткину колоссальная эрудиция и всеобъемлющие знания, столь поражающие нас ещё с середины тридцатых годов», - пишет Прийма.

В 1982 году Виталию Закруткину вручена ещё одна Государственная премия СССР – за роман-эпопею «Сотворение мира».

Маленьким шедевром называют критики рассказ «Подсолнух» и ставят его в один ряд с «Судьбой человека» Михаила Шолохова и «Стариком и морем» Эрнеста Хемингуэя.

Из маленького, давно забытого зёрнышка вырос юный подсолнушек и стал символом победы человека над стихией.

Вот как отозвались об этом рассказе канадские писатели супруги Шарлота и Дайсон Картер: *«Труд и любовь Человека не могут быть потеряны в жизненной трагедии. Люди могут победить всё!»*.

Прожив всю свою писательскую жизнь в станице Кочетовской, Закруткин стал неотъемлемой частью этой земли. Он не раз писал о ней. Это очерки «Кочетовцы», «В родном краю», «В донской степи».

До конца своих дней Виталий Александрович работал над повестью «На Золотых Песках», которая так и осталась незавершённой.

Война во многом определила дальнейшую литературную судьбу Виталия Александровича. В его памяти словно застыли картины пожарищ и взорванных полей; осквернённые трупами реки; плач обездоленных детей, женщин, стариков – картины, составившие скорбную панораму жизни и смерти. Закруткин ощущал потребность рассказать обо всём увиденном и пережитом.

В 1944 году он прислал с фронта в Ростовское издательство сборник «О живом и мёртвом». Это были невыдуманные рассказы о мужестве и стойкости советского солдата, о долге и чести человека на войне.

Маленький рассказ из того, военного сборника «Матерь Человеческая» давно уже жил литературной

жизнью, но судьба его героини Марии не переставал волновать писателя. Многие годы он не раз проверял свои ощущения, прежде чем из первоначальной основы решился создать новое этическое полотно. *«Эту женщину я не мог, не имел право забыть...»* - так начинается повествование.

В 1969 году вышла новая редакция.

Лучшими произведениями советской литературы 70-х годов о судьбе женщины на войне считаются две повести – *«А зори здесь тихие...»* Бориса Васильева и *«Мать Человеческая»* Виталия Закруткина.

От древней церковной живописи через всю историю и мировое искусство проходит образ Скорбящей Матери. Закруткин обратился к этой «вечной» теме и сумел воссоздать обобщённый характер Матери Человеческой. Прообразом его явилась обыкновенная, простая женщина с маленького донского хутора. Но во всем её, казалось бы, горестном облике писатель прославил героическое начало, всепобеждающую силу любви и жизни.

Повесть была удостоена Государственной премии РСФСР и I премии на конкурсе имени Александра Фадеева и вскоре экранизирована. Режиссёр – Леонид Головня. В роли – Марии – блестяще выступила Тамара Сёмина.

Кинофильм с огромным успехом обошёл экраны мира.

Вспоминает народная артистка России Тамара Сёмина.

«Семьдесят четвёртый год. Мы снимали в Вёшенской с сентября по февраль, и всё это время я была в грязном рваном ситцевом платье...»

Ползала по всей станице, и всё, что было на земле, всё было на моём теле – вся в занозах, ссадинах, кровоподтёках. Ко мне была приставлена медсестра, она меня растирала спиртом, вытаскивала «брёвна» из моего тела...

Местные казаки и казачки даже грозились режиссера убить... Оберегали меня – со всех станиц везли мёд, всякие снадобья лечебные, народные. Как вынесла, не знаю. Потом бывалые люди говорили: «Это у тебя был «окопный синдром». Во время войны разведчики наши неделями лежали в засадах, не шевелясь. И никогда у них не было ни воспаления лёгких, ничего». После съёмок ребята позволяли себе, естественно... А когда их ругали, отвечали: «Да глядя на неё, не то что выпьешь, а запьёшь, к чёртовой матери!..»

Сначала художник мне рисовал раны, через неделю были уже свои, натуральные – ногти изодраны, ноги, руки – кровавое месиво... Что интересно, я не чувствовала ни боли, ни холода... Наступила зима, и я бегала босиком по снегу, купалась в Дону в лютый мороз, рядом все в тулупах и валенках, шапках-ушанках... А мне болеть нельзя – монофильм, замены никакой. Самое смешное, что даже ни разу не простудилась. Вся съёмочная группа чем только не болела – и ангиной, и грипповали, а «Пятровна» (как меня звали там, в Вёшенской) па-ашла в кадр!»

«Матерь Человеческая» – величественнейший гимн простой русской женщине.

Великой Женщине – Матери, Женщине – Труженице, Женщине – Воительнице и Женщине – Победительнице!

«Талант большой, самобытный и, понимаете, глубокий! Он жизнь знает и язык народа чувствует. Это – художник!», - так отозвался друг Виталия Закруткина Сергей Сергеев-Ценский.

В 1973 году Закруткин собрал наиболее интересные свои публицистические и литературоведческие работы в антологии «О неувядаемом».

Это волнующая книга-исповедь.

Немало страниц, посвящённых родной земле, её чарующей красоте и тем богатствам, которые в ней заложены и которые создаёт своим трудом человек.

Второй раздел – это свидетельство писателя-фронтовика о ратном подвиге народа.

«Человек на Земле, человек на войне, человек и творимое им слово – таковы темы, представленные в трёх разделах книги», - пишет автор в предисловии.

Третий раздел – страницы о литературе.

«Картины широкой народной жизни, связанные с крутыми поворотами в истории; характеры сильные, мужественные; трагическое столкновение страстей; поиски человеком истины; глубокая, потрясающая душу любовь – вот что всегда привлекало меня в литературе, - пишет Закруткин. - Я ненавижу и ненавижу «литературщину» – плод бесталанного ремесленничества; формалистическое штукарство; косноязычие и нарочитую ломку, уродование языка, выросшие на ядовитой почве западного буржуазного модернизма.

Высокая художественность, простота; яркий, самобытный язык; взволнованное стремление писателя обращаться к народу, ко всем, а не к жалкой кучке

самовлюблённых снобов, – именно такими должны быть черты истинного творения искусства».

Закруткин с тревогой замечает, что у нас стали появляться книги, лишённые живой образной речи, яркого языка. Создаётся впечатление, что «некоторые наши литераторы, а особенно редакторы, объявили какую-то странную «холодную войну» русскому народному языку».

Бесцветность, серость языка во многих книгах современных авторов Виталий Александрович объяснял главным образом тем, что «многие наши писатели проходили и проходят мимо несметных сокровищ русского народного языка, не изучают его, не вслушиваются в музыку народной речи, а идут по пути наименьшего сопротивления, по набитому пути...»

Что ж, особенно злободневно звучат эти слова сегодня, в год, объявленный ООН годом русского языка...

И ещё одно писательское откровение:

«Я, наконец, рад и счастлив тем, что после всего доброго и злого, что мне довелось видеть в мире; после долгих раздумий и размышлений; после печальных ошибок и мучительных поисков истины и определения цели жизни, данной только мне и никому другому, я нашёл и познал свет звёзды, которая вела меня: стремление к благу, счастью, к любви и дружбе всех людей на Земле...»

И вот как оценил творчество ученика его учитель Шолохов: «Я так горд и рад тому, что Виталий Закруткин – талантливый писатель, замечательный па-

рень, человек нелёгкой жизни, человек крепкий и живёт в нашей литературе по-настоящему!»

В книге «О неувядаемом» писатель как бы оглянулся на пройденный путь – и убедился, что выполнил свой долг перед народом.

Ушёл он из жизни 10 октября 1984 года.

В самые значимые моменты жизни Виталия Закруткина в небе, как знак свыше, всегда появлялась радуга. Об этом вспоминал сам писатель.

В день его похорон в небе над станицей Кочетовской тоже сияло это редкое для середины октября явление.

«Таких личностей, - говорили станичники, - уже днём с огнём не сыскать!»

Книга «Сотворение литературного мира» рассказывает о жизни и творчестве писателя Виталия Александровича Закруткина.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Закруткин В. Сочинения. М.: «Сов. писатель», 1989.

Виталий Закруткин в книгах и в жизни. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1978.

Гегузин И. Путь писателя. О жизни и книгах В. Закруткина. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1968.

Добровал О. Начало. Киев: Особнычка. 2007.

Иващенко А. Растрата // Алфавит. – 2001. – № 5. – С. 26.

Котовсков В. Сотворивший мир // Дон. – 1998. – № 3. – С. 24.

Петелин В. Виталий Закруткин. Литературный портрет. М.: 1969.

Петров В. Кочетовские воды // Культура Дона. – 2007. – № 3. – С. 1.

Писатели Дона. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1976.

Прийма К. Народный писатель. Донские страницы. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1978.

Русские писатели XX века. Биографический словарь. М.: «БРЭ», «Рандеву-АМ», 2000.

Русские советские писатели-прозаики. Библиографический указатель. Л.: «Советский писатель», 1964.

www.donland.ru

www.library.taganrog.ru/bondarenko/zakrutkin.html

www.livejournal.com/community/knigi_ru/51381.html

www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/blium/ilp/?id=344

www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pages.xhtml?Key=10604&page=196

www.skitalets.ru/books/oduvan_gruts/index.htm